

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

B. MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik (eds.). Competing motivations in grammar and usage. Oxford: Oxford University Press, 2014. xxii + 446 p. ISBN 978-0-19-870984-8.

Дмитрий Валентинович Герасимов

Dmitry V. Gerasimov

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация;
dm.gerasimov@gmail.com

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Feder-
ation; dm.gerasimov@gmail.com

В современной лингвистике, по крайней мере функционально-ориентированной, редкое объяснение того или иного языкового явления обходится без апелляции к мотивации одним или несколькими факторами. Такие факторы могут действовать независимо, а могут работать на один и тот же результат. Что происходит, однако, если два или более мотивирующих фактора вступают в конфликт? Ответу на данный вопрос и посвящен рецензируемый сборник. Под его обложкой собраны статьи, написанные по материалам конференции «Конкурирующие мотивации», которая прошла 23—25 ноября 2010 г. в Институте эволюционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге.

Открывает сборник Введение за авторством Э. Моравчик, состоящее из трех разделов. В первом кратко объясняется и иллюстрируется на простых примерах понятие конкуренции мотиваций, а также формулируются девять ключевых вопросов, так или иначе затрагиваемых в различных статьях сборника (от «Какие мотивации конкурируют?» до «Почему в языке имеет место конкуренция мотиваций?»). В связи с вопросом о возможных способах разрешения конфликтов между мотивирующими факторами автор приводит собственное исчисление из [Moravcsik 2010]: SEPARATION (разные факторы находят проявление в различных реализациях конструкции); COMPROMISE (разные факторы воздействуют на одну и ту же конструкцию, но один или более из них претерпевают модификацию для устранения конфликта); OVERRIDE (оказывает влияние только один фактор) и DEADLOCK (конструкция, на которую воздействуют противоположные факторы, блокируется, так что ни один из них не находит выражения). В последующих статьях есть примеры на все четыре сценария. Во втором разделе Введения кратко излагается история проблематики конкурирующих мотиваций от Г. фон Габеленца с его противопоставлением Bequemlichkeit и Deutlichkeit [Gabelenz 1901: 181—185] до наших дней; несколько удивляет отсутствие в данном экскурсе упоминания работ А. Мартине, например [Martinet 1955]. Среди более поздних направлений, теорий и подходов в качестве самых важных для проблематики сборника Э. Моравчик называет функционально-типологические исследования Дж. Хаймана, Дж. Дюбуа, У. Крофта и др., «естественную морфологию» В. У. Дресслера [Dressler 1986], «конкуренционную модель» Э. Бейтс и Б. МакУинни [Bates, MacWhinney 1987; 1989], функциональную грамматику С. Дика [Dik 1989]; перформативную теорию порядка слов Дж. Хокинса [Hawkins 1994; 2004] и, разумеется, теорию оптимальности (ОТ) [Prince, Smolensky 1993]. Многие имена, упомянутые в данном разделе, мы закономерно встречаем и в оглавлении сборника. Завершает Введение традиционный обзор входящих в сборник статей.

Первую часть сборника «Конкуренция в синтаксисе: грамматические отношения и порядок слов» составляют девять статей. Стратегиям кодирования грамматических отношений (alignment) посвящена работа А. Л. Мальчукова «Разрешение конфликтов кодирования: Подход в терминах конкуренции мотиваций», самая объемная в сборнике.

В настоящее время хорошо известно, что морфологическая эргативность или аккумулятивность не влечет синтаксической; более того, различные морфосинтаксические конструкции одного языка могут по-разному группировать аргументные роли (так, типологически согласование демонстрирует большую склонность к аккумулятивности, нежели падежное маркирование, а для императива аккумулятивное устройство является почти универсальным). А. Л. Мальчуков предлагает для объяснения как относительных универсалий в области стратегий кодирования, так и наблюдаемых исключений из них модель, основанную на взаимодействии двух ограничений, которые он обозначает как *Harmony* 'гармония, уподобление' и *Bias* 'предрасположенность'. Первое имеет аналогическую природу и требует, чтобы синтаксические свойства конструкций соответствовали морфологическому оформлению. Согласно второму, синтаксические свойства конкретной конструкции определяются ее функциональными свойствами. В случаях, когда оба фактора благоприятствуют одной стратегии кодирования, мы наблюдаем единообразие, ситуация же конфликта может разрешаться по-разному, откуда проистекает значительное межъязыковое варьирование. В следующем разделе данное обобщение иллюстрируется на примере монотранзитивных конструкций: рассматривается поведение императивов и конструкций контроля (склонных к аккумулятивности) и номинализаций (склонных к эргативности) в различных морфологически аккумулятивных и эргативных языках. Примечательно, что, обсуждая распределение различных стратегий оформления актантов номинализации, А. Л. Мальчуков никак не упоминает возможное структурное объяснение [Alexiadou 2001], хотя сам признает, что не вполне ясно, чем мотивирована наблюдаемая предрасположенность номинализаций к эргативности. Кажется, в данном вопросе открывается некоторый простор для новых исследований. Далее обсуждается вариативность кодирования в дитранзитивных конструкциях (секундативная vs. индирективная стратегии), рассматривается поведение антипассивов, инкорпорации, реципроков. В целом данный раздел сжато пересказывает (с привлечением нескольких новых примеров) соответствующие фрагменты работы [Malchukov et al. 2010]; см. обсуждение в [Аркадьев 2012]. В четвертом разделе кратко излагается формализация предложенной модели в терминах ОТ. У читателя, знакомого с аппаратом данной теории, представленная картина уже должна была сложиться по ходу чтения предыдущих разделов, однако заслуживают внимания приводимые рассуждения по поводу возможного ранжирования ограничений. В заключительном разделе повторяются основные положения, кратко обсуждается ряд общих проблем (функциональный или диахронический характер конкуренции), а также поднимается вопрос о том, можно ли построить единую иерархию морфосинтаксических контекстов по их предрасположенности к эргативной или аккумулятивной стратегии отождествления аргументов; см. подобную попытку в [Croft 2001: 155]. На этот вопрос автор предварительно дает отрицательный ответ: такая иерархия имела бы смысл, если бы предрасположенность (*Bias*) разных конструкций имела общую мотивацию, что представляется по крайней мере неочевидным.

М. Ламерс и **Х. де Хооп** в статье «Выдвижение одушевленного объекта в нидерландском: экспериментальное исследование» излагают результаты эксперимента, в ходе которого испытуемым предлагалось составить высказывания из трех стимульных слов: глагола и двух существительных. Последние всегда отличались по одушевленности, а глаголы принадлежали к одному из трех классов (данная классификация опирается на предшествующие работы М. Ламерс): агентивные (с одушевленным субъектом в роли агенса или экспериенцера), ментальные каузативные (с субъектом в роли стимула) и ментальные неаккумулятивные (с субъектом в роли темы). В нидерландском формальным критерием для разграничения двух классов ментальных предикатов служит способность каузативных глаголов к пассивизации. В полном соответствии с изначальной гипотезой, вынос объекта перед субъектом ни разу не использовался испытуемыми при построении высказываний с агентивными глаголами, но оказался существенно более частотен с неаккумулятивными (24 %), нежели каузативными (2 %) ментальными глаголами. Данное распределение легко объяснить через взаимодействие двух ограничений: *SubjectFirst*, требующего, чтобы

предложение начиналось с грамматического субъекта, и *AnimateFirst*, требующего начинать предложение с одушевленной именной группы; в случае ментальных глаголов с неодушевленным субъектом эти требования вступают в конфликт. Авторы делают вывод о том, что вынос объекта служит для удовлетворения *AnimateFirst* при невозможности пассивизации. Хотя к постановке эксперимента нет претензий, а предлагаемый анализ весьма убедителен, неясно, в какой степени он может быть обобщен на случаи выноса объекта при глаголах других семантических классов. В частности, во введении авторы много места уделяют конструкциям с объектом, выраженным указательным местоимением, в которых вынос оказывается предпочтительным (60 %), несмотря на то, что такие высказывания (например, *Dat hoort u mij niet zeggen* 'Этого ты от меня не услышишь') нарушают сразу оба обсуждаемых ограничения. Таким образом, возникает впечатление, будто в итоге исследование отвечает не совсем на тот вопрос, который был заявлен вначале, что тем более странно для столь небольшой по объему статьи.

Дж. Хокинс в статье «Паттерны конкуренции мотиваций и взаимодействие принципов» рассматривает явление, вынесенное в заголовок сборника, на примере принципов, мотивирующих тот или иной порядок слов в предложении. При этом его интересуют не сами принципы (хорошо знакомые по [Hawkins 1994; 2004] и более поздним работам Хокинса и соавторов; несколько устаревший обзор см. в [Тестелец 2001: 700—715]), а именно способы их взаимодействия. Рассматриваются данные употребления (относительная частотность того или иного порядка слов в корпусе английских текстов) и грамматики (относительная частотность различных базовых порядков в языках мира по данным типологической выборки); в отдельном разделе выводы статьи обобщаются на механизмы усвоения второго языка. Вполне ожидаемо, что некоторая реализация порядка оказывается особенно частотной в тех случаях, когда она мотивирована сразу несколькими благоприятствующими факторами («кооперация принципов»). Более интересны случаи «конкуренции»: одновременного действия двух или более принципов, предсказывающих различные порядки. В качестве иллюстрации приводятся английские предложения с двумя зависимыми от глагола предложными группами, относительный порядок которых по-разному определяется синтаксическими, лексико-семантическими и прагматическими факторами [Wiechmann, Lohmann 2012], а также данные по взаимному расположению относительной клаузы и вершинного имени в VO- и OV-языках. По мнению Хокинса, в такой ситуации относительная частотность каждой из соперничающих реализаций оказывается прямо пропорциональной ее легкости и эффективности для восприятия слушающим: как и сами принципы, их относительная сила продиктована требованиями эффективной коммуникации. Это довольно смелая гипотеза (сам автор признает, что пока не готов представить полноценное доказательство): в каком-то смысле получается, что «реальны» только требования оптимальности распознавания речи, а различные «мотивирующие принципы» суть лишь их эпифеномены в глазах лингвистов. Кроме того, как кажется, это новый поворот для Дж. Хокинса: ранее он признавал, что грамматические правила конкретного языка могут «пересиливать» требования системы употребления.

Следующие две статьи посвящены факторам, вызывающим правую экстрапозицию относительной клаузы (т. е. ситуацию, когда предикативное определение выносится в конец предложения, отрываясь от вершинного существительного). **Э. Фрэнсис** и **Л. Михаэлис** («Зачем передвигаться? Как “тяжесть” и дискурсивные факторы комбинируются для предсказания экстрапозиции относительной клаузы в английском») сравнивают два возможных объяснения данного явления: через требование «минимизации доменов» из теории эффективной коммуникации Дж. Хокинса и через дискурсивные факторы. Проведенное ими корпусное исследование показывает, что относительная «тяжесть» релятивного оборота (понимаемая как отношение его длины в словах к длине ГГ) играет более важную роль, чем тип предиката, определенность вершинной ИГ (авторы ограничиваются рассмотрением относительных клауз при именах в позиции субъекта), доступность предиката (принадлежность его денотата к данному / новому); последние факторы вступают в дело тогда, когда параметр

«тяжести» имеет промежуточное значение и не дает однозначного предсказания. Доступность вершинной ИГ оказывается вообще нерелевантной. Отдельно обсуждаются несколько исключительных примеров, в которых экстрапозиции нет, хотя все названные факторы ей благоприятствуют. Авторы делают вывод, что это связано с влиянием каких-то сторонних факторов функционального характера, выявлению которых должны послужить будущие исследования. Приводимые данные показывают, что правая экстрапозиция представляет собой функционально более сложное и неоднородное явление, чем принято думать. Хотя исследование Э. Фрэнсис и Л. Михаэлис выполнено на сравнительно небольшом массиве данных (всего 345 фрагментов, из которых только 53 содержат экстрапозицию), конечные выводы не вызывают сомнений, а статью можно порекомендовать в качестве образца как проведения корпусного исследования, так и изложения его методики и результатов.

Еще более подробная модель предлагается в статье **Я. Штрunkа** «Конкурирующие мотивации, влияющие на экстрапозицию относительной клаузы в немецком». Автор перечисляет 33 (!) параметра, способных влиять на линейную позицию относительного оборота; некоторые из них очевидно взаимосвязаны, некоторые специфичны для немецкого морфосинтаксиса. Шесть параметров, наиболее часто фигурирующих в предшествующей литературе, обсуждаются более подробно, при этом убедительно показывается, что синтаксические ограничения на экстрапозицию, сформулированные Н. Хомским, Р. Кейном и М. Болтиным, не носят абсолютного характера. Анализируя корпусные данные при помощи метода бинарной логистической регрессии, Штрunk обнаруживает, что для экстрапозиции оказываются значимы 18 из рассматриваемых параметров, при этом предсказательная модель должна учитывать 15 из них. Как и у Фрэнсис и Михаэлис, наиболее значимы «хокинсовские» факторы: длина относительной клаузы и расстояние экстрапозиции, обычно совпадающее с длиной ГГ (Штрunk рассматривает каждый из этих показателей по отдельности, а не их отношение). Однако значима и синтаксическая структура: необходимость пересечения узлов затрудняет экстрапозицию, а относительная клауза, содержащая зависимые, выносится охотнее, чем более простая той же длины. В статье приводится ряд других интересных результатов. В рамках обсуждения видимых исключений излагаются данные небольшого эксперимента, показывающие, что использование катафорических относительных местоимений (*derjenig*) может существенно улучшать приемлемость примеров с «длинной» экстрапозицией. Таким образом, даже самые сильные ограничения могут нейтрализовываться в специфических контекстах, что ставит интересный вопрос об отношениях между теоретическими и статистическими моделями: фактор, мотивирующий исключительные случаи, должен быть ранжирован выше всех остальных ограничений в ОТ и схожих моделях, однако может не иметь большого веса в статистической модели ввиду редкости таких случаев. Исследования Я. Штрunkа и Э. Фрэнсис и Л. Михаэлис очень близки по постановке задачи и полученным результатам, кроме того, оба непосредственно затрагивают вопросы, поднятые в предшествующей им работе Дж. Хокинса; неслучайно все три статьи активно ссылаются друг на друга.

Несколько особняком стоит статья **И. Борнкессель-Шлезевски и М. Шлезевски** «Конкуренция при интерпретации аргументов: свидетельства нейробиологии языка», в которой предлагается новая версия расширенной модели зависимости аргументов (eADM; [Bornkessel 2002; Bornkessel, Schlesewsky 2006]), описывающей восприятие высказывания в реальном времени с точки зрения вычислительной нейробиологии. Для правильной интерпретации высказывания с несколькими аргументами слушающему необходимо приписать три базовые роли («кардинальные категории»): актор, субъект и топик, свойственные участникам, наиболее важным для описываемой ситуации, последующего дискурса и предшествующего дискурса соответственно. Их опознание происходит в реальном времени на основе механизма аттракторной сети, предпочтительно (но не обязательно) в перечисленном порядке. Наблюдаемые языковые структуры мотивированы стремлением дать слушающему возможность идентифицировать кардинальные категории как можно раньше, так как распознавание высказывания происходит пошагово: мозг обрабатывает все

возможные интерпретации услышанной цепочки, не дожидаясь продолжения, которое может содержать решающие подсказки. В заключение авторы сравнивают свою концепцию с «конкурентной моделью» Бейтс и МакУинни; несмотря на ряд сближений, эти модели имеют принципиально разный характер. В частности, хотя в основе eADM лежит конкуренция нескольких аргументов за заполнение ролей актора, субъекта и топика, собственно «конкурирующим мотивациям» в традиционном лингвистическом смысле в ней не находится места. Статья супругов Шлезевски очень интересна и опирается на солидный корпус исследований, однако экспериментальное подтверждение пока получили лишь отдельные ее фрагменты, в то время как общая архитектура кажется несколько умозрительной. Кроме того, несмотря на приводимые отсылки к неройлингвистическим исследованиям десяти языков различной генетической принадлежности, остается непонятным, каким образом, как утверждают авторы, описанный ими механизм объясняет наблюдаемое языковое варьирование.

Последние три статьи первой части посвящены конкуренции мотиваций при усвоении языка детьми. Начиная с 1980-х гг. (см. [Bates, MacWhinney 1987] и цитируемую там литературу) большинство исследований в рамках данной проблематики посвящены конкуренции «ключей» или «маркеров» (cues) — элементов или свойств конструкций, на которые дети ориентируются для опознания и интерпретации последних. **К. Роулэнд, К. Ноубль и Э. Чань** в статье «Конкуренция на всю глубину: как дети научаются определять значение предложения по порядку слов» переносят фокус с конкуренции «ключей» в рамках одной конструкции на конкуренцию между несколькими синонимичными конструкциями, доступными ребенку. Главный вопрос состоит в том, как происходит генерализация усваиваемых конструкций. Согласно консервативной теории речевого онтогенеза, изначально дети отдельно усваивают лексико-специфичные паттерны, а затем постепенно обобщают их. Альтернативная точка зрения предполагает, что обобщение и установление связей между формально и семантически сходными конструкциями осуществляются с самого начала. Первая теория предсказывает, что из двух синонимичных конструкций дети гораздо раньше овладеют более частотной; вторая — что такие конструкции выучиваются более-менее одновременно, однако само наличие синтаксической синонимии замедляет усвоение. Авторы провели ряд экспериментов, в которых проверялось понимание дитранзитивных конструкций детьми 3—5 лет, осваивающими английский, валлийский и кантонский языки. Результаты показали, что в случаях вариативности («дативная альтернатива» в английском, разные порядки слов в кантонском) и более, и менее частотный варианты усваиваются относительно поздно. Таким образом, подтвердились предсказания модели ранней генерализации, в которой существенную роль играет конкуренция между конструкциями.

Эмпирической проверке двух конкурирующих теорий посвящена также статья **М. Хьюз и Ш. Аллен** «Конкуренция мотиваций при опущении детьми субъекта? Взаимодействие финитности глагола и доступности референта». Хорошо известно, что дети на ранних этапах усвоения языка часто опускают подлежащее, причем это касается даже языков без pro-drop'a (опущения личного местоимения в актантной позиции), типа английского. В рамках нативистского подхода, исходящего из врожденности синтаксических структур, это обычно объясняется через допущение о том, что бессубъектные высказывания содержат нефинитную форму глагола. Исследователи же, настаивающие на главенствующей роли речевого стимула в усвоении языка, скорее, обращают внимание на референциальные свойства опускаемых субъектов, в частности, их выводимость из речевого или неречевого контекста. Авторы проверяют предсказания этих двух подходов на материале лонгитюдных видеозаписей общения четверых английских детей 2—3 лет с их воспитателями. Выясняется, что и финитность глагола, и доступность референта (рассчитываемая на основе семи параметров, таких как одушевленность, наличие упоминаний в предшествующем дискурсе, физическое присутствие и т. д.) оказывают статистически значимое влияние на невыражение субъекта. Более того, эти факторы не вполне независимы: нефинитным клаузам свойственно иметь подлежащие, восстанавливаемые из контекста, хотя

корреляция здесь недостаточно сильна для того, чтобы счесть одну мотивацию эпифеноменом другой. Представленные данные действительно убедительны и очень интересны, однако кажется неудачной форма, в которую Хьюз и Аллен решили облечь свои выводы. Обсуждая конкуренцию, они фокусируются не на языковых факторах, но на объяснительных моделях, заключая, что нативистская и эмерджентистская интерпретации опущения субъекта в ранней детской речи не конфликтуют, но и не дополняют друг друга, а находятся во взаимодействии (interaction). Однако проведенное ими исследование свидетельствует лишь о взаимодействии мотивирующих факторов (финитности глагола и доступности референта), но не предлагает каких-либо ясных аргументов для более общего спора о врожденном характере грамматики.

Г. Краевский и Э. Ливен в статье «Конкуренция маркеров в раннем усвоении синтаксиса» предлагают обзор ряда экспериментальных исследований 2008—2012 гг., направленных на выяснение того, как дети, овладевающие различными языками, понимают простое переходное предложение, насколько они способны правильно идентифицировать субъект и объект. В этих экспериментах проверялась относительная роль порядка слов, падежного маркирования, одушевленности и прочих маркеров (cues). Комментируя результаты, авторы заключают, что на ранних стадиях дети хорошо справляются с прототипическими паттернами своего языка, которые содержат избыточные маркеры. Однако выделение и усвоение отдельных маркеров происходит медленно и постепенно. Способность продуктивно использовать маркеры с новыми единицами развивается поздно, а интерпретация предложений с конфликтующими маркерами долгое время вызывает затруднение. Так, польские дети вплоть до 7—8 лет испытывают сложности с определением субъекта и объекта в предложениях с неканоническим порядком слов, несмотря на развитую систему падежного маркирования в этом языке. Все это свидетельствует о том, что дети сначала осваивают целые конструкции как гештальты, на базе которых уже значительно позднее распознаются более мелкие единицы и формулируются правила. Авторы рассматривают данный корпус свидетельств, прежде всего, как аргумент против нативизма, но следует отметить, что с ними плохо согласуются и некоторые подходы внутри эмерджентистской парадигмы, например иерархические модели в духе [Mattys et al. 2005]. Кроме того, представленные данные говорят в пользу психолингвистической адекватности грамматики конструкций [Goldberg 1995], в частности, ее «радикальной» версии [Croft 2001].

Вторую часть сборника, посвященную конкуренции мотиваций в морфологии и словаре, открывает статья **В. Дресслера, Г. Либбена и К. Корецки-Крёль** «Конкурирующие, конвергентные и взаимозависимые мотивации в морфологии». Авторы пытаются дать общий обзор конкурирующих факторов, действующих в морфологии (а также ее интерфейсах с фонологией, лексиком и дискурсом), рассматривая такие явления, как порядок аффиксов, структура композитов, образование форм плюралиса, ограничения на консонантные кластеры и т. п. Особо интересным представляется обсуждение проблемы маркированности: защищая центральную роль понятий иконичности и маркированности в «естественной морфологии», авторы выдвигают ряд серьезных возражений против известной идеи М. Хаспельмата о том, что эффекты «маркированности» могут быть адекватнее объяснены соображениями экономии и частотности [Haspelmath 2006]. Много места уделяется данным онто- и психолингвистики: в частности, подробно обсуждается раннее усвоение диминутивов, а также приводятся результаты эксперимента, в котором детям предлагалось оценить приемлемость форм мн. ч. немецких существительных, образованных по различным моделям. В статье приводятся результаты большого количества исследований (в том числе еще неопубликованных), выполненных в последние годы в русле «естественной морфологии», однако обилие данных иногда делает текст сложным для восприятия: от читателя требуется определенное усилие, чтобы за деревьями не перестать видеть лес. В заключительном разделе авторы повторяют тезис о центральной роли конкуренции мотиваций в лингвистической аргументации, но призывают не упускать из виду, во-первых, того, что конкурирующие факторы в общем случае не обязательно являются независимыми, а во-вторых, того,

что предлагаемые лингвистами наборы мотиваций редко позволяют полностью объяснить соответствующий аспект использования языка.

М. Хаспельмат в статье «О конкуренции системного давления и факторов экономии» уточняет собственное наблюдение [Haspelmath 2006] об экономном устройстве выражения граммем: более частотный член оппозиции получает менее эксплицитное, часто нулевое маркирование. Однако разные лексемы демонстрируют весьма различные частотные распределения форм, и если бы маркирование целиком определялось требованиями экономии, в этой области следовало бы ожидать больше внутриязыкового варьирования (например, в языке использовалось бы несколько маркеров прямого объекта, тем более фонологически протяженных, чем менее характерна данная позиция для соответствующего существительного). Автор делает вывод, что в конкуренцию с принципом экономии вступает аналогическое системное давление, требующее использовать одинаковое маркирование для обширных классов лексем. Попутно еще раз кратко проговаривается авторская точка зрения на соотношение маркированности и частотности, однако содержательной полемики с В. Дресслером и соавторами (см. выше) не происходит: если те ссылаются на статью М. Хаспельмата, то последний, видимо, не успел учесть их возражения (однако см. [Haspelmath, Karjane (in print)]). Единственный аргумент, обсуждаемый в обеих статьях, — хрестоматийный пример валлийского сингулятива (*plu-en* ‘перо’, *plu* ‘перья’), который Хаспельмат объясняет через частотность, а Дресслер, Либбен и Корецки-Крёлль — через явление обратной маркированности. Однако по сути каждая из сторон лишь показывает, что объяснение в их терминах возможно, не раскрывая, как оно соотносится с альтернативным анализом и почему должно быть ему предпочтено.

Б. Мондорф в статье «Видимая конкуренция мотиваций в морфосинтаксическом варьировании» задает вопрос о факторах, заставляющих говорящего выбирать между синтетическим и аналитическим способом выражения одного и того же значения. В фокусе рассмотрения находятся английские компаративы: синтетические с суффиксом *-er* и аналитические с кванторным наречием *more*; кратко затрагиваются также несколько пар других конструкций английского, немецкого и испанского языков. Сравнивая различные ранее предлагавшиеся объяснения и анализируя корпусные данные, автор приходит к выводу, что аналитическая конструкция, менее экономная, но более эксплицитная, используется в тех ситуациях, когда обработка сравнительного оборота в силу тех или иных его семантических, прагматических или синтаксических особенностей требует больших когнитивных усилий. Таким образом, в английском языке конфликт между требованиями экономии и эксплицитности разрешается путем «разделения труда» между двумя способами выражения (SEPARATION в терминах Моравчик).

Статья **М. Пфайффера** «Формальные и функциональные мотивации структуры самоисправления в немецком» посвящена тому, как носители немецкого языка исправляют оговорки, связанные с употреблением неправильного существительного в составе предложной группы. В таких случаях говорящий может несколькими способами выбрать «точку возврата» — начало отрезка речи, который он повторяет в исправленном виде. Основываясь на небольшом корпусе аудиозаписей спонтанной речи, автор показывает (вопреки утверждениям в существующей литературе), что выбор точки возврата определяется взаимодействием нескольких факторов, как формальных, связанных с грамматикой языка (ограничение на разрыв составляющей), так и функциональных, диктуемых текущими нуждами говорящего (прежде всего, стремление закончить самоисправление как можно быстрее), причем удельный вес этих факторов различен при различных типах оговорок. Интересно, что «точка прерывания» — момент, когда говорящий обнаруживает свою ошибку и запинаясь, — не оказывает существенного влияния на выбор точки возврата.

Если большинство авторов сборника рассматривают конкуренцию мотиваций с точки зрения говорящего (какие факторы благоприятствуют выбору одного из возможных средств выражения нужного значения?), то **Дж. Хайман** пытается поставить вопрос со стороны слушающего (какие факторы заставляют выбирать то или иное прочтение полисемичного выражения?). В статье «Шесть соперничающих мотиваций повтора» он выделяет функции,

мотивирующие использование повтора (в том числе редупликации) в языках мира. Три из них: иконический повтор для выражения значений итеративности, множественности, дистрибутивности, интенсивности и т. д., «декоративный» повтор (типа англ. *helter-skelter*) и «сценический» повтор, свойственный идеофонам, — касаются повтора внутри одного высказывания; остальные три: цитирование, «поддакивание» и пародирование, — относятся к интертекстуальному повтору. Далее Хайман приводит в качестве иллюстрации данные кхмерского языка, в котором все шесть видов повтора имеют свои формальные особенности. В заключение выдвигается гипотетическая универсалия, согласно которой пародирование/саркастическая имитация всегда предполагает некоторое дополнение, приукрашивание оригинального высказывания. Хотя статья содержит много любопытных сведений и очень живо написана, заявленная в начале проблема конкуренции мотиваций при интерпретации конструкции с повтором в итоге остается без рассмотрения, так что связь данной публикации с общей темой сборника кажется довольно сомнительной.

Третью часть книги составляют семь статей, посвященных более общим и фундаментальным аспектам проблематики сборника. В статье **Дж. Дюбуа**, которая так и называется: «Мотивируя конкуренцию», поднимается вопрос о том, что представляют собой конкурирующие мотивации и как именно осуществляется их воздействие. В качестве стартовой точки выдвигается два постулата: во-первых, всякий мотивирующий фактор в языке действует только в конкуренции с другими факторами; во-вторых, конкуренция мотиваций происходит в реальном времени при порождении любого высказывания. Таким образом, для понимания этого явления и его воздействия на грамматику необходимо изучать данные спонтанной речи. Дюбуа строит собственную модель конкуренции мотиваций, включающую в себя четыре основных компонента: (1) целостное высказывание, соперничающее с альтернативными способами выражения того же значения или осуществления того же коммуникативного намерения (так называемая «внешняя конкуренция»); (2) функциональные единицы (морфемы, слова и конструкции), составляющие это высказывание; (3) коммуникативные стратегии, соотносимые с конкретными единицами из (2) и соперничающие за включение тех или иных единиц в итоговое высказывание («внутренняя конкуренция»), и (4) «критерии пригодности» (экономия, иконичность, однозначность и т. п.), относительно которых оцениваются кандидаты. По мнению Дюбуа, закрепившаяся практика называть «конкурирующими мотивациями» критерии типа (4) ошибочны; в действительности участниками конкуренции являются стратегии типа (3), причем только в связке с единицами (2), так как только посредством последних они могут вступать в конкуренцию. Он признает, что его концепция далека от общепринятой, а некоторые положения еще нуждаются в доказательстве. В статье чувствуется некоторый полемический задор (который не лучшим образом сказывается на композиции текста), причем в число имплицитных адресатов полемики попадает, как кажется, большинство остальных авторов сборника.

С. Кристофаро («Модели, основанные на конкуренции мотиваций, и диахрония: каковы свидетельства в пользу каких мотиваций?») обращает внимание на то, что конкурирующие принципы, постулируемые в различных теориях для объяснения тех или иных грамматических явлений, зачастую основываются на синхронной дистрибуции последних и не учитывают диахронических изменений, которые привели к их возникновению. Автор рассматривает такие классические случаи, как аккузативное/эргативное кодирование аргументов (традиционно объясняемое требованиями различения участников и функциональными сходствами между различными ролями) и нулевое/эксплицитное маркирование единственного/множественного числа (традиционно объясняемое соображениями частотности и экономии), и на ряде примеров показывает, что история их возникновения в том или ином языке зачастую не дает оснований постулировать воздействие соответствующих принципов. Далее рассматривается оформление сентенциальных актантов при директивных и перцептивных матричных предикатах. Как осторожно предполагает автор, на выбор стратегии оформления может влиять конкуренция между несколькими когнитивными интерпретациями одной ситуации. Кристофаро не призывает искать мотивацию тех или иных

явлений исключительно в истории языка и признает, что наличие диахронического объяснения в общем случае не противоречит объяснению в терминах конкуренции мотиваций. Однако, заключает она, неправомерно выдвигать подобное объяснение, не рассмотрев детально генезис изучаемого явления, так как последний мог направляться факторами, внешними по отношению к данному фрагменту грамматики.

В статье «Где же именно конкурируют мотивации?» **Ф. Ньюмейер** противопоставляет два подхода к конкуренции мотиваций в теории грамматики, которые он обозначает как «прямая конкуренция» и «непрямая конкуренция». Согласно первому, существует прямая связь между свойствами грамматик конкретных языков и объясняющими эти свойства функциональными мотивациями, вступающими в конкуренцию. В качестве радикального варианта этого подхода автор называет теорию «возникающей грамматики» П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper 1988], которую активно критикует едва ли не с момента возникновения [Newmeyer 1992]. Второй подход предполагает, что такой прямой связи нет, а влияние функциональных факторов на грамматику происходит в употреблении и усвоении языка (и, как следствие, в его изменении) и проявляется в межъязыковой дистрибуции грамматических единиц. В основной части статьи Ньюмейер выдвигает четыре аргумента в пользу не прямой конкуренции по сравнению с прямой: последняя игнорирует роль конвенционализации, переоценивает роль функционально-коммуникативных факторов в языковых изменениях, преуменьшает (нефункциональное) структурное давление на грамматику и не может объяснить некоторые «побочные эффекты» функционально-мотивированных изменений. Примечательно, что все эти аргументы так или иначе затрагивают вопросы истории языка, так что общие выводы оказываются неожиданно созвучны предшествующей статье С. Кристофаро. В заключении автор отмечает, что никакое языковое правило не имеет мотивации само по себе, но только в контексте общей системы, которая подвержена изменениям во времени; таким образом, приписывать определенной единице или правилу конкретный мотивирующий фактор в общем случае чересчур наивно. Интересно, что в закрывающей сборник статье Б. МакУинни (см. ниже), несмотря на эмерджентистский в целом характер его модели, горячо соглашается с данными тезисами Ф. Ньюмейера. Остается лишь пожалеть, что последний никак не обсуждает концепцию Дж. Дюбуа (см. выше), которая, как кажется, не вполне укладывается в описанную им дихотомию подходов.

Статья **Й. Хельмбрехта** «Различия местоимений по вежливости: исследование конкурирующих мотиваций» предлагает функционально-ориентированный анализ развития противопоставления по вежливости в личных местоимениях (русск. *ты* vs. *Вы*) в романских, германских и славянских языках. Изначально противопоставление по вежливости возникает под влиянием социально-прагматических причин, в связи с чем автор решительно отвергает встречающуюся в литературе точку зрения, согласно которой зарождение инноваций имеет функциональную мотивацию, а их дальнейшее распространение — социальную. Также Хельмбрехт показывает, что социальные и прагматические функции, связанные с вежливостью и общественным престижем, вступают в конфликт с соображениями экономии, имеющими когнитивный характер. В разных языках этот конфликт разрешается по-разному, в результате чего вежливые варианты местоимений демонстрируют различную степень интеграции в прономинальную парадигму. Однако во всех случаях речь идет не о «победе» одного фактора над другим, но о некотором компромиссе (COMPROMISE) между ними.

Отправной точкой для рассуждений **М. Ариэль** в статье «Конструкции с *or*: моносемия и полисемия» служит наблюдение о том, что интересы удобства слушающего требуют одно-однозначного соответствия между формой и значением, в то время как соображения удобства говорящего благоприятствуют употреблению конструкций с широкой полисемией. Какие факторы влияют на выбор более общего или более специализированного способа выражения некоторого значения? В рамках данного вопроса автор рассматривает дизъюнктивные конструкции в английском языке, временами привлекая для сопоставления данные русского, иврита и финского. Правильная интерпретация многозначной конструкции

опирается на некоторые контекстуальные маркеры, моносемичные конструкции (ср. англ. *X or something, to V or not to V*) зачастую возникают в результате конвенционализации или грамматикализации таких маркеров. Согласно гипотезе автора, еще требующей эмпирической проверки, полисемия удовлетворяет условиям успешной коммуникации только при наличии контекстуальных маркеров, позволяющих слушающему выбрать правильную интерпретацию; недостаток таких маркеров благоприятствует употреблению моносемичных конструкций. Таким образом, конкуренция разрешается по сценарию «разделения труда» (SEPARATION): предпочтительной может оказаться как опора на кодификацию, так и ставка на инференцию [Падучева 2004: 101—110], в зависимости от условий.

В статье **Г. Кальтенбёка** и **Б. Хайне** «Грамматика предложения и тетическая грамматика: два конкурирующих домена?» подход, основанный на конкуренции мотиваций, применяется к организации дискурса. Авторы рассматривают тетические элементы (theticals) — всевозможные вводные слова, дискурсивные наречия, поправки, комментарии и прочие «вставки», существующие вне связи с синтаксическими структурами окружающего текста и часто получающие особое просодическое оформление. Утверждается, что таким элементам присуща своя особая «тетическая грамматика», противопоставляемая общей «грамматике предложения». Зачастую одна и та же информация может быть передана как при помощи тетического комментария (*Родину — сам знаешь — не выбирают*), так и в составе синтаксических структур основной линии дискурса (*Ты сам знаешь, что Родину не выбирают*), что ставит вопрос о конкуренции между этими двумя доменами. «Грамматика предложения», основанная на иерархических структурах, приспособлена для выражения пропозициональной семантики в линейном формате. «Тетическая грамматика» же позволяет говорящему мгновенно реагировать на дискурсивную ситуацию. Хотя использование тетических элементов, разрывающих основную линию повествования, добавляет нагрузки на кратковременную память, оно в то же время обеспечивает гибкость дискурса, а также позволяет избежать употребления сложных синтаксических структур. В целом следует признать, что данная статья ничего существенного не добавляет к прежним публикациям авторов на ту же тему (см. в первую очередь [Kaltenböck et al. 2011; Heine et al. 2013]), а только акцентирует идею конкуренции сентенциального и тетического доменов, уже присутствующую в выводах последней работы.

Своеобразной кодой к сборнику выступает статья **Б. МакУинни** «Выводы. Конкуренция по времени». Автор начинает с выделения двух традиций изучения конкуренции мотиваций: функционально-типологической, объясняющей наблюдаемые внутри- и межязыковые распределения через взаимодействие ряда факторов, и психолингвистической, рассматривающей соперничество различных форм в реальном времени в процессе порождения высказывания. Утверждается, что они могут быть сведены воедино в рамках всеохватывающей эмерджентистской модели, основанной на метафоре сцепления (meshing) различных временных интервалов (timeframes), в рамках которых происходят различные речевые и языковые процессы (более развернутое изложение см., например, в [MacWhinney 2005]). По мнению автора, учет таких интервалов есть необходимое условие для понимания конкуренции между мотивациями различных уровней. Так, в статьях В. Дресслера и соавторов, М. Хаспельмата и Б. Мондорф так или иначе затрагивается проблема конкуренции в процессе порождения высказывания между комбинированием элементов и готовой формой. Выбор говорящего здесь зависит от того, какая операция — вычисление формы по правилам или извлечение ее из ментального лексикона — оказывается быстрее, что, в свою очередь, связано со скоростью работы тех или иных нейронных контуров. В схожем ключе автор комментирует и другие статьи сборника, увязывая их выводы с теми или иными фрагментами своей модели. Следует, однако, признать, что многие положения Б. МакУинни еще требуют более подробной разработки и о построении всеобъемлющей теории, которая вобрала бы в себя результаты разных исследований, собранных под обложкой рецензируемого тома, говорить пока рано (отчасти этой цели служит компендиум [MacWhinney, O'Grady 2015], на статьи которого, ошибочно датированные в библиографии 2014 годом, автор тоже активно ссылается).

В частности, заявленная в начале статьи задача: интеграция лингвистической диахронии и типологии, с одной стороны, и психолингвистики, с другой, на основе единого подхода к конкуренции мотиваций, не выглядит убедительно решенной. Дальше повторения общих положений о том, что типологические распределения зависят от диахронических изменений, а те берут свое начало в конкретных актах порождения высказывания, дело не заходит.

Как видно по приведенному обзору, рецензируемый сборник неоднороден по составу. Под его обложкой собраны статьи по лингвистической типологии, грамматической теории, квантитативной корпусной лингвистике, психо- и онтолингвистике, вычислительной нейробиологии; глубокие исследования частных языковых явлений соседствуют с широкими обзорами и теоретико-методологическими эссе. Возникает закономерный вопрос, действительно ли у всего этого разнообразия есть единый тематический стержень. На этот вопрос следует дать одновременно и положительный, и отрицательный ответ.

С одной стороны, сборник является коллекцией статей, в основном написанных более или менее независимо: авторы иногда ссылаются друг на друга, но явно не следуют какой-либо общей программе, порой демонстрируя различия в понятийном аппарате, которые мешают сопоставить полученные ими результаты. (В этом смысле не вполне понятно решение составителей выпустить сборник в виде коллективной монографии с нумерацией глав и общей библиографией.) Особенно бросается в глаза различие в трактовке самого понятия конкуренции мотиваций разными авторами. Во-первых, существует конкуренция между двумя или более формами, представленными в языке, одну из которых выбирает говорящий. Во-вторых, можно говорить о конкуренции различных факторов, определяющей облик конкретной языковой формы. Это явления взаимосвязанные, но не тождественные. Наконец, под конкуренцией можно понимать и соперничество различных объяснений, предлагаемых для того или иного явления (это, так сказать, конкуренция не в языке, но в лингвистике). В сборнике присутствуют все три понимания конкуренции, причем различие далеко не всегда проводится эксплицитно. Вопрос об их соотношении поднимается в некоторых статьях (в первую очередь, у Дж. Дюбуа), но заслуживает большего внимания.

С другой стороны, нельзя отрицать того, что статьи разных авторов удачно дополняют друг друга и обнаруживают немало точек пересечения, иногда довольно неожиданных, которые делают сборник чем-то большим, чем просто сумма входящих в него статей. Эта перекличка между работами, выполненными в рамках разных направлений лингвистики, позволяет получить действительно многомерный взгляд на вынесенную в заглавие проблему. Тут кажется уместным отметить и весьма представительный авторский состав: сборник объединил сильных ученых, большинство из которых хорошо известны в своей области (две статьи принадлежат начинающим исследователям, но, безусловно, соответствуют общему высокому уровню).

Обращает на себя внимание и то, что почти все статьи опираются на материал более ранних публикаций, интерпретируя его в свете конкуренции мотиваций. Те же исследования, которые основаны на специально собранных данных (преимущественно экспериментальных или корпусных), естественным образом продолжают предшествующие штудии авторов. Создается впечатление, что тема сборника не побудила большинство участников к поиску каких-либо новых языковых данных, что, впрочем, вовсе не является недостатком: в сборнике представлен синтез огромного объема исследований, проведенных за последние годы, и это его несомненная сильная сторона. Не вызывает сомнений и то, что сборник указывает сразу несколько направлений для дальнейших плодотворных изысканий.

Качество издания соответствует высоким стандартам Oxford University Press, печати немногочисленны и не препятствуют пониманию текста, однако несколько моментов можно поставить в вину редакторам. Так, в статье А. Л. Мальчукова начало раздела 2.4 (с. 26) фактически повторяет заключительное предложение предыдущего; на следующей странице в примере (13) из языка нгуэ, взятом из [Seiter 1980: 120], опущены два последних слова (*ke fakamatala* 'subj speak'); в ряде примеров отдельные сокращения в строке глоссирования набраны прописными вместо капителя; в нескольких случаях разные варианты названия

одного языка используются попеременно, иногда в пределах одной страницы; библиография оформлена непоследовательно и содержит ошибки; есть и вопросы по поводу (не)включения тех или иных терминов, названий и имен в предметный указатель.

В целом, однако, рецензируемый сборник выполнен на очень высоком уровне, затрагивает ряд фундаментальных вопросов устройства и функционирования языка, вносит большой вклад в наше понимание взаимодействия и конкуренции мотивирующих факторов в грамматике и дискурсе и, несомненно, будет интересен широкому кругу исследователей, работающих в самых разных областях лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2012 — Аркадьев П. М. [Рец. на:] A. L. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Berlin, 2010 // Вопросы языкознания. 2012. №1. С. 110—118. [Arkad'ev P. M. [Review of:] A. L. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Berlin, 2010. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 1. Pp. 110—118.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001. [Testelecs Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalizations and ergativity*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Bates, MacWhinney 1987 — Bates E., MacWhinney B. *Competition, variation, and language learning. Mechanisms of language acquisition*. MacWhinney B. (ed.). Hillsdale (NJ); London: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. Pp. 157—193.
- Bates, MacWhinney 1989 — Bates E., MacWhinney B. *Functionalism and the competition model. The cross-linguistic study of sentence processing*. MacWhinney B., Bates E. (eds.). New York: Cambridge Univ. Press, 1989. Pp. 77—117.
- Bornkessel 2002 — Bornkessel I. *The argument dependency model: A neurocognitive approach to incremental interpretation*. Leipzig: Max Planck Institute of Cognitive Neuroscience, 2002.
- Bornkessel, Schlesewsky 2006 — Bornkessel I., Schlesewsky M. The extended argument dependency model: A neurocognitive approach to sentence comprehension among languages. *Psychological Review*. 2006. Vol. 113. Pp. 787—821.
- Croft 2001 — Croft W. A. *Radical construction grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Dik 1989 — Dik S. C. *The theory of functional grammar*. Part. 1: The structure of the clause. Dordrecht: Foris, 1989.
- Dressler 1986 — Dressler W. U. Explanation of natural morphology, illustrated with comparative and agent-noun formation. *Linguistics*. 1986. Vol. 24. Pp. 519—548.
- Gabelenz 1901 — von der Gabelenz G. *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*. 2. Aufl. Leipzig: Tauschnitz, 1901.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Haspelmath 2006 — Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with). *Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. No. 1. Pp. 25—70.
- Haspelmath, Karjus (in print) — Haspelmath M., Karjus A. Explaining asymmetries in number marking: Singulatives, pluratives and usage frequency. *Linguistics*. 2017. Vol. 55. (in print).
- Hawkins 1994 — Hawkins J. A. *A performance theory of order and constituency*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Hawkins 2004 — Hawkins J. A. *Efficiency and complexity in grammars*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Heine et al. 2013 — Heine B., Kaltenböck G., Kuteva T., Long H. An outline of discourse grammar. *Functional approaches to language*. Bischoff Sh. T., Jany C. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2013. Pp. 155—206.
- Hopper 1988 — Hopper P. J. Emergent grammar and the apriori grammar postulate. *Linguistics in context: Connecting observation and understanding*. Tannen D. (ed.). Norwood (NJ): Ablex, 1988. Pp. 117—134.

- Kaltenböck et al. 2011 — Kaltenböck G., Heine B., Kuteva T. On thetical grammar. *Studies in Language*. 2011. Vol. 35. Pp. 852—897.
- MacWhinney 2005 — MacWhinney B. The emergence of linguistic form in time. *Connection Science*. 2005. Vol. 17. Pp. 191—211.
- MacWhinney, O'Grady 2015 — MacWhinney B., O'Grady W. (eds.). *The handbook of language emergence*. New York: Blackwell Publ., 2015.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A. L., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: A typological overview. *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Malchukov A. L., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1—64.
- Martinet 1955 — Martinet A. *Économie des changements phonétiques*. Berne: Francke, 1955.
- Mattys et al. 2005 — Mattys S. L., White L., Melhorn J. F. Integration of multiple segmentation cues: A hierarchical framework. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2005. Vol. 134. Pp. 477—500.
- Moravcsik 2010 — Moravcsik E. Conflict resolution in syntactic theory. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. Pp. 636—669.
- Newmeyer 1992 — Newmeyer F. J. Iconicity and generative grammar. *Language*. 1992. Vol. 68. No. 4. Pp. 756—796.
- Prince, Smolensky 1993 — Prince A., Smolensky P. *Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar*. Technical report no. 2 of the Rutgers Center for Cognitive Science, Rutgers University. New Brunswick (NJ): Rutgers Univ., 1993.
- Seiter 1980 — Seiter W. J. *Studies in Niuean syntax*. New York: Garland Publ., 1980.
- Wiechmann, Lohmann 2012 — Wiechmann D., Lohmann A. Domain minimization and beyond: Modeling PP ordering. *Language Variation and Change*. 2012. Vol. 25. No. 1. Pp. 65—88.

А. А. Плотникова. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с. [A. A. Plotnikova. *Slavyanskije ostrovnnye arealy: arkhajka i innovatsii* [Slavic insular areas: Archaic and innovative features]. Moscow: Institute for Slavic Studies, 2016. 320 p.] ISBN 978-5-7576-0353-7*.

Максим Максимович Макарец

Maxim M. Makartsev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991,
Российская Федерация; makarcev@bk.ru

Institute of Slavic Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
makarcev@bk.ru

Термин «островной ареал», восходящий к немецкой диалектологии середины XIX в. ([Riehl 2010: 335]; там же см. библиографию вопроса), достаточно быстро осваивается ареальной лингвистикой. В последнее время он был заимствован и смежными дисциплинами, которые обращались к славянским традициям, существующим в иноязычном и инокультурном окружении. Знаковой здесь стала книга «Славянские языковые и культурные острова» [Nowicka, Gluszkowski 2013]. Она открывается серией статей о польских островных ареалах в Восточной Европе и Азии (т. е. определяющим является взгляд из материнского ареала на островной, причем авторы выходят за пределы собственно лингвистики и обращаются также к национальной идентичности, истории национального движения, идеологии и социологии), но дальше рассматривается случай Боснии (проблема богомилства и боснийского ислама) как религиозного островного ареала (*wyspa wyznaniowa*), а завершает сборник серия статей про старообрядцев на польских землях (островной языковой, религиозный и культурный ареал). Таким образом, понятие островного ареала в литературе последних лет выходит за пределы лингвистики и применяется к ряду явлений, которые выделяют некоторые группы на фоне их окружения.

Рассматриваемая монография А. А. Плотниковой «Славянские островные ареалы: архаика и инновации» расширяет и обосновывает применение термина «островной ареал»

* Работа выполнена в рамках гранта РНФ №16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».